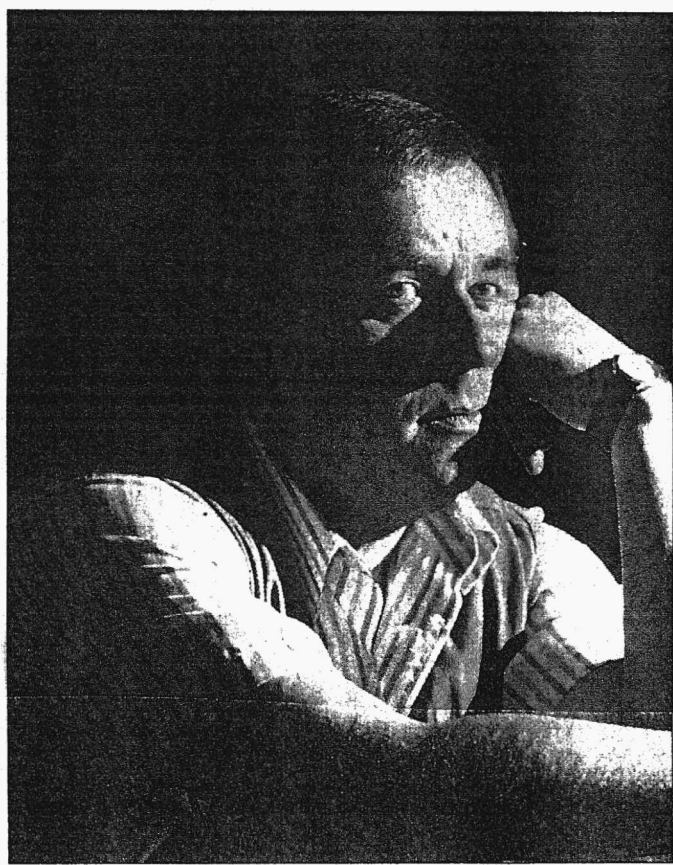

«Идея есть, осталось приложить энергию»

Спектаклем "Много шума из ничего" открыл свой 73-й сезон Центральный Театр Российской Армии. Уникальный организм, в жизни которого были неслыханные взлеты и полеты трудовых преодолений; театр, во все времена пытавшийся расширить те рамки, в которых он некогда родился. Как он живет сегодня и в чем видит смысл существования в эпоху, когда слишком многие ценности подменены и заменены? Об этом и о многом другом говорит главный режиссер Борис Морозов.

— Время летит очень быстро. Кажется, совсем недавно было 70-летие театра, а вот уже приходится думать о том, что скоро 75-летие. Но дело не в датах, а в том, как идет сам процесс нашей выживаемости, нашей жизни. Очень трудно. Ты сама говоришь о том, что это не просто театр, а государство в театральном государстве: есть Большая сцена, Малая сцена, только по названию Малая, потому что зрительный зал, рассчитанный на 500 человек, это нормальный театр в сегодняшнем понимании. Прежде всего, наша жизнь — это спектакли, которые есть и должны быть в репертуаре. Главная наша работа еще от завершения далека — это "Севастопольский марш", инсценировка "Севастопольских рассказов" Толстого. Два года назад возник у меня замысел, потом очень непросто рождалась инсценировка, поскольку "Севастопольские рассказы" трудно, почти невозможно объять неким театральным приемом, и я благодарен судьбе за встречу с драматургом из Санкт-Петербурга Наташей Скорой, она, как мне кажется, замечательно интересно организовала этот огромный материал в пьесу. Но не жесткую, заданную, а позволяющую наполнять содержание. Я опираюсь на конкретный свой опыт, например, такого спектакля, как "И аз водам" в Малом театре, когда движение, рождение спектакля происходит во время репетиций. Но пачку надо было даже не с пьесы, а с прекрасной музыки Петрова. Она настолько замечательна, что актеры, уходя с репетиции, напевают мелодии — значит, все живет. В этом есть ощущение влюбленности артистов в материал. Хотя спектакль очень непростой, мы идем по первопутку. Я понимаю, мы начинаем в очень интересный период театальной жизни, когда появляются "Метро", "Дракула", "Норд-Ост", "Notre Dame de Paris", "Чикаго", а мы — с "Рубкой леса". Мы входим в это пространство, но что мы с собой принесем? Оставим ли первенство в открытии каких-то новых жанров? Или лучше и не пытаться соревноваться, а найти свое ощущение театра? Ведь есть славная и мощная традиция Театра Армии, заложенная такими спектаклями, как "Давным-давно", "Расклинаю море широкое", "Ринальдо идет в бой", да тот же "Уничтожь танки". Есть традиция этого театра и она должна быть продолжена сегодня. Но как? Я очень рад встрече с Андреем Петровым, художником Владимиром Арфьевым, предлагающим мне неожиданные ходы, неожиданный процесс работы над спектаклем. У нас есть уже даже раскраска сцен, что для меня очень необычно. Елена Сидорина, художник по костюмам, уже принесла свои предложения. Это все дает мощное чувство надежды, но, с другой стороны, понимаешь: многое на том этапе работы, на каком мы находимся, зависит от финансовых возможностей. Мы ничего не сможем сделать, если не найдем деньги. Это одна из самых острых и болезненных для нас проблем. Необходимо обеспечить свет, звук. Вроде бы все готово, но как обеспечить это, чтобы не идти по привычному пути удешевления то одного, то другого?

Конечно, этого хорошо бы не допустить, потому что сама идея сценического воплощения "Севастопольских рассказов" в наше время — необычайно мощная. К тому же, в театре, традиционно связанном с эпическими постановками, уже очень давно не было ничего подобного.

Конечно, я едва ли не в первую очередь поэтому и задумался об этой работе. "Севастопольские рассказы" несут в себе сегодня веру, истину служения слову. Ответство — это одна из самых главных тем для меня. И патриотизма, как бы немодно это слово ни прозвучало. Так сложилось, что в конце мая — начале июня я впервые в жизни оказался в Севастополе. Я сидел с нашими друзьями на 70-летие Театра Черноморского флота. Естественно, воспользовался этой поездкой, чтобы пешком пройти все места, описанные Тол-

стым. И когда ты проходишь все эти редуты и батареи, смотришь на них, — это входит в тебя совершенно по-другому, и рождается мощный импульс. Сложность работы состоит еще и в том, что инсценировка не предполагает каких-то масштабных ролей, это проverka театра на понятие ансамблевости, команды, единомыслия. Сегодня это тоже очень непросто, я болезненно отношусь к тому, что дорогие для меня актеры уходят в театры, где больше платят, и в этой атмосфере создается ощущение команды, когда интерес зрителей сосредоточен на ансамбле, очень непросто и очень важно. Время выветривает определения, и важно, чтобы наш театр отстоял свою сущность, сущность театра, который призван говорить о служении отечеству, о патриотизме. И жив он будет только тогда, когда Большая сцена будет слышать трагическое дыхание, напряжение, волнение.

— Но, насколько я знаю, при всей изысканности замысла "Севастопольского марша", в театре идет работа и над другими спектаклями?

— Да, уже в октябре можно будет увидеть первую премьеру — спектакль "Арфа привнесла" в постановке Александра Бурлюкова с Алиной Покровской в главной роли. Мы ставим "Позднюю любовь" Островского с Николаем Пастуховым. Артисту в этом сезоне исполнилось 80 лет, он очень любит эту пьесу, живет ею. А на Малой сцене режиссер Андрей Бадулин репетирует спектакль для детей. Пригласили мы очень, на мой взгляд, интересного молодого режиссера, Александра Огарева, поставившего в РАМТе "Стеклянный зверинец", мы еще только знакомимся, но он начинает уже работу над постановкой комедии 30-х годов "Чужой ребенок". Мне кажется, может получиться очень хоро-

шая, ностальгическая работа, потому что материал В.Шкаврина дает возможность подпитаться какой-то чистотой, данностью, которых мы все сегодня лишены. Приглашение молодых режиссеров — тоже традиция театра. Здесь делали свои первые шаги Борис Львов-Анохин, Леонид Хейфец, Михаил Левитин, Александр Бурлюков. Мой первый дом именно здесь, и я считаю, что традицию необходимо продолжать. Да, у всех потом судьба складывалась по-разному, кто-то состоялся, кто-то не до конца состоялся, но некая добрая противная рука к молодому поколению и артистам и режиссерам — и есть сохранение традиции.

— Это всегда было традицией "дома Поповых", потому что мне особенно дорого воспоминание о вечере, посвященном 100-летию Алексея Дмитриевича, который проходил в театре так торжественно и трогательно в мавр. Было какое-то очень живое и трепетное поддержание огня в очаге.

Конечно, это для меня безумно важно! И не только молодежи необходимо анимации, но и артистам старшего поколения. Вот сейчас Юлий Гусман задумал постановку "Человеческая из Па-Манчи" для Владимира Михайловича Зельдина; надо ли говорить, насколько важно для всех нас сохранение в труппе в активной творческой деятельности такого мастера?

— Насколько я знаю, кроме Толстого, ты параллельно работаешь еще над одним спектаклем?

— Да, я позволю себе распространиться и в параллельную работу — это "Стакан воды" Скриба. Потянуло меня на камерную пьесу. Работу я хочу начать в ноябре, потому что в октябре у меня премьера в Театре Сатиры, где я ставлю "Таланты и поклонники". Мне

эти параллели оказались необходимыми, потому что по всей театральной природе работа над мощным эпическим произведением, как выяснилось, требует какой-то внутренней перестройки, оттачивания. И одно другому, как оказывается, помогает. Очень важная сторона нашей жизни в том еще, чтобы не утратили связь поколений. У нас работает мощное поколение, пришедшее в 60-х годах: Покровская, Голубкина, Чурсина, Крынкин, Чеханов, позже появились Богданова, Михайлушкин, потом пришел Назаров... Сказал бы о Плотникове, но он ушел во МХАТ, и это для меня острая боль. Есть и замечательные молодые артисты, они сейчас очень сильно заявили о себе в театре: это Татарова, Кабо, Назарева, Аристова, Егоров, Разбегаяев, Бусыгина. Сезон, который мы начинаем, очень ответственный для меня, потому что впервые порог театра переступят мои студенты, они уже распределены и в "Севастопольский марш", и играют в нашей последней премьере "Винный садик". Когда-то мудрый, потрясавший Андрей Алексеевич Попов разрешил мне сыграть в Театре имени Ставровского спектакль "Брыз, кляклява, брызк!" со студентами третьего курса, соединив их с Станиславским, Витограном, Никишинкой, Гребенниковым. Андрей Алексеевич не побоялся! И я сегодня думаю: так и должно быть!..

— Кстати, близится юбилей Андрея Алексеевича...

— Да, и в середине сезона мы непременно отметим этот юбилей. Планируем провести чтения, посвященные Попову, может быть, и торжественный вечер. Ему исполнилось бы 85 лет и 20 лет, как он ушел от нас. Может быть, это будет такой же "круглый стол" ведущих театроведов и обязательных наших старших артистов, ведь нам очень важно передать память о нем молодым. О его сущности, актерской и человеческой.

— А А.А. достоин лучших слов именно от молодежи, мы все, Анатолий Васильевич, Иосиф Райхельгауз, Борис Морозов у него начинали, и те первые ваши спектакли помнятся по сей день. А как он рисковал, если задуматься...

— А как он доверял? Он никогда не давил, всегда все обсуждал, но решение оставлял за собой. Не было за все годы, которые судьба мне с ним подарила, его давления, он бережно вел, а потом отпускал. И в этом было выше доверие.

— А ты также относишься к своим молодым?

— Я стараюсь. Кроме А.А., у меня есть еще один пример — Андрей Александрович Гончаров. Он же дал мне постановку "Смотрите, кто пришел!". И хотя по темпераменту Гончаров был совсем другим человеком, он никогда не позволял себе давить, влезать в режиссуру. И я так стараюсь.

— И последнее, о чем хотелось спросить. Не так давно ты стал Председателем комиссии по драматическим театрам Союза театральных деятелей России. Имея такую традицию театр, не боялся зваться на себя еще одну ношу. Как и что ты собираешься делать в этом качестве?

— Никаких рецептов у меня нет, понимаю, что захожу в одну из самых воспаленных зон нашей театральной жизни. Как жить? Где взять деньги? Как соотнести свой творческий взгляд со своими возможностями? Подчас на меня находит такая тоска! Я чувствую, что жизнь не то, чтобы убивает, но отодвигает очень далеко для меня понятие театра-дома, театра-семьи. Как и институт главных режиссеров. Молодежь сегодня не хочет идти и в главные режиссеры, потому что это слишком хлопотно, куда проще поставить спектакль, получить за него деньги и уйти в следующий театр. При такой постановке вопроса, зачем мне думать о "Севастопольском марше", где 56 персонажей? Я поставлю камерный спектакль, думаю только о нем, ни за что в театре не отвечаю, ни о чем не сокрушаюсь. Таким образом деформируется природа театра. Как, на мой взгляд, происходит это в театре оперетты. Ну, "Метро" рождено плути, а другие спектакли? Билеты не достать, жизнь бьет ключом, но ведь тот, прежний театр уходит. Обо всем этом надо думать. Программы, повторяю, у меня нет, но я твердо знаю, чего я хочу. У меня есть идея сохранить то дорогое, что есть в театре XX века. К счастью, не для одного меня дорогое. Ну, а чтобы сохранить, надо работать.

Беседовала
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ